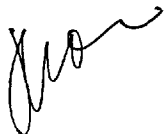

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

МАЦКЕВИЧ

Мария Георгиевна

**НАРКОТИЗМ КАК ПРЕДМЕТ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Специальность 22.00.04 —
социальная структура, социальные институты и процессы

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

Санкт-Петербург
2006

Работа выполнена в Социологическом институте Российской Академии наук,
в группе изучения динамики социального сознания.

Научный руководитель: доктор юридических наук,
профессор Гилинский Яков Ильич

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Фирсов Борис Максимович

кандидат социологических наук
Клепиков Дмитрий Васильевич

Ведущая организация: Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,
кафедра теории и истории социологии

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки
Социологического института Российской Академии наук

Защита состоится 27 сентября 2006 года в 15-00 на заседании диссертаци-
онного совета Д 002.129.01 по защите диссертаций на соискание ученой степе-
ни доктора наук при Социологическом институте Российской Академии наук
по адресу: 198005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25/14, ауд. 528.

Автореферат разослан 25 августа 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат социологических наук

А.А.Клецин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ:

Актуальность:

К настоящему времени в девиантологии сложилось понимание наркотизма как относительно распространенного, статистически устойчивого социального явления, выражающегося в потреблении некоторой частью населения наркотических средств или токсических веществ и в соответствующих социальных последствиях¹. Необходимо различать наркотизм как социальное явление, и наркоманию как заболевание, выражающееся в физической и/или психической зависимости от наркотических средств, в непреодолимом влечении к ним — аддикции, приводящей к глубокому истощению физических и психических функций организма².

Быстрое распространение наркотизма в России в последние 20 лет происходило в отсутствие надежной и достоверной информации не только о факторах, детерминирующих этот процесс, но даже о реальных масштабах этого явления. В то время как в США, странах Западной (а в последние годы и Восточной) Европы изучение наркотизма имеет давнюю традицию, в России достаточно серьезные исследования социальной природы наркотизма начались лишь несколько лет назад.

За прошедшие 20 лет представления о социальной природе и тенденциях развития наркотизма в России заметно расширились. Вместе с тем, эта область во многих отношениях продолжает оставаться одной из самых мифологизированных не только в обыденном, но и в профессиональном сознании. Кроме того, по мнению некоторых исследователей (Я. Гилинский, П. Мейлахс, Е. Омельченко и др.), в России доминирующий дискурс о наркотиках гораздо более монолитен по сравнению с дискурсом в европейских странах и США и сильно смещен в сторону прогибационизма.

Актуальность темы исследования связана с потребностью институтов, осуществляющих социальный контроль наркотизма, в достоверной информации, на основе которой возможна выработка политики в данной области.

Степень изученности проблемы:

Практически все, что было связано с потреблением наркотиков, как и многими другими девиациями, в Советском Союзе было засекречено. Прорывом в завесе секретности стала в 1977 г. книга А.А. Габияни «Наркотизм (конкретно-социологическое исследование по материалам Грузинской ССР)», вышедшая под грифом «Для служебного пользования». Но и после этого тема наркотиков еще почти десятилетие оставалась полузакрытой. Публичное признание существующей в стране проблемы наркотизма произошло лишь во второй половине 80-х гг., в годы перестройки.

¹ Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 277.

² Там же.

В США и Западной Европе, столкнувшихся с этой проблемой раньше СССР, бурно развивались исследования наркотизма — особенно среди молодежи. Наркотизм изучался как качественными, так и количественными методами, в том числе проводились массовые эмпирические исследования в национальных масштабах. В этих исследованиях ощущается большое влияние Чикагской школы. Полученные результаты интерпретировались в основном в рамках теории стигматизации (labeling theory), теории конфликта культур, теории субкультур, теории напряжения (general strain theory), теорий социального контроля, концепции включенности/исключенности (inclusive/exclusive), феминистских концепций. Можно отметить труды таких авторов как R. Agnew, J. Bachman, U. Beck, H. Becker, R. Butler, D. Coyle, P. Higgins, G. Hunt, L. Johnston, H. Klingemann, E. Lemert, P.O' Malley, J. Schulenberg, K. Wadsworth, J. Young и др.

В России вначале проблема наркотиков и негативных (не только медицинских, но и социальных) последствий их употребления, привлекла внимание медиков: Э. Бабаян, С. Белогуров, В. Битенский, М. Гогопольский, А. Данилин, И. Данилина, В. Дунаевский, А. Личко, В. Менделевич, Д. Менделевич, И. Пятницкая, А. Софронов, В. Стяжкин, П. Шабанов, О. Штакельберг и многие другие. Во всех этих работах анализ осуществлялся в системе «человеческий организм — наркотики». В медицинской практике наркотические средства на протяжении тысячелетий использовались и используются в качестве лекарственных средств, но употребление наркотиков за пределами медицинских предписаний практически во всех работах этого направления однозначно рассматривается как негативное явление.

Почти одновременно с публикациями специалистов-медиков появились работы представителей правоохранительных органов, пытавшихся осмыслить социальное значение этого феномена: Ю. Аврутин, Г. Ахмедов, Т. Боголюбова, С. Гусев, Г.Зазулин, М. Кадыров, Б. Калачев, Ю. Леонтьев, В. Лунеев, Л. Прокументов, А. Сергеев, Б. Улицкий и другие. Работы этого направления хотя и апеллируют к социальным проблемам, возникающим в результате немедицинского употребления наркотических средств, но, как правило, так же тяготеют к анализу системы «человек — наркотики». Кроме того, названные работы отличаются презумпцией однозначно негативных последствий употребления наркотических средств, подкрепляемая представителями медицины.

В отличие от описанных выше подходов, в трудах многих экономистов, рассматривающих оборот наркотиков как один из видов рынков, подчиняющихся законам, действующим для рынков других товаров, преобладает анти-прогибиционистская направленность. Указанный подход характерен для анализа рынка наркотиков в рамках теории общественного выбора и конституциональной экономики (G. Anderson, H. Brumm, D. Cloninger, M. Friedman, R. Libby, R. Tollison, A. Заостровцев, Д. Койл, Л. Тимофеев).

В криминологии, наряду с направлением, близким по взглядам представителям правоохранительных органов, развивается и критическая (или радикальная) криминология, значительно шире представленная в Европе и США, чем в Рос-

сии. В работах этого направления наркотизм, как и другие девиации, рассматриваются в качестве социального конструкта, сформированного социальными группами, обладающими политической властью. Ужесточение наказаний как за распространение, так и за употребление наркотиков, рассматривается с точки зрения усиления «исключенности» нижних слоев общества, их дальнейшей маргинализации (S. Henry, N. Christie, D. Milovanovic, J. Young).

Психологические механизмы формирования зависимости от наркотических средств, личностные факторы, способствующие формированию такой зависимости, исследовались психологами: С. Березин, В. Битенский, И. Гурвич, С. Гурский, Д. Колесов, А. Колеченко, К. Лисецкий, А. Личко, А. Реан, Л. Ругш, В. Шабалина и др.

Эмпирической базой первых социологических исследований наркотизма были специальные опросы среди определенных групп молодежи, находящихся в «зонах риска», пациентов наркологических учреждений, лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях (А. Габиани, Я. Гилинский, И. Гурвич, Л. Журавлева, Б. Левин, М. Левин, Г. Силласте, В. Чудновский и др.). Была получена информация о факторах и механизмах приобщения к наркотикам, о ценностных установках, способствующих началу употреблению наркотиков, о связи наркотизма с другими формами девиантного поведения, о влиянии семьи и круга общения на различные формы девиантного поведения, в том числе наркотизм.

Однако полученная в такого рода исследованиях информация описывает не столько общество, в котором существуют различные проявления наркотизации, сколько некоторые его сектора, место которых в общем социальном пространстве и характеристики сами нуждаются в выявлении и описании. Сужение объекта наблюдения не только не позволяет определить социальный объем, но и не дает возможности отчетливо различить собственно социальные детерминанты и механизмы исследуемого явления. Примерно с середины 90-х годов, в отечественной практике формируется направление анализа наркотизма как социального феномена (Я. Гилинский, Л. Кесельман, Ю. Комлев, П. Мейлахс, Е. Омельченко, М. Позднякова, М. Русакова, А. Салагаев, Л. Тимофеев, Ф. Шереги и другие).

Научная проблема:

Столкнувшись с проблемой наркотизма в условиях трансформации основных социальных, экономических и политических институтов, российское общество оказалось не готово к ее решению не только в практическом социальном, но и в теоретическом и концептуальном плане. Вплоть до настоящего времени природа и даже социальные параметры отечественного наркотизма оцениваются по преимуществу в рамках медицинских, экономических и юридических концепций, тогда как социальные факторы этого явления все еще остаются слабо изученными. Современный отечественный эмпирический анализ проявлений этого феномена зачастую основывается на мало достоверной официальной статистике правоохранительных органов и органов здравоохранения, специальных опросах отдельных групп молодежи. Методики социологических

исследований проявлений российского наркотизма зачастую слабо проработаны в концептуальном плане и не вписаны в общемировую практику исследований проблем, с которой столкнулись в XX веке большинство современных обществ.

В конце 80-х гг. российское общество столкнулось с новой для России проблемой наркотизма. В первое время рост потребления наркотических средств происходил стремительно, однако достоверная информация о тенденциях и факторах этого процесса отсутствовала. Вплоть до настоящего момента не существует развернутых концептуальных представлений о специфике отечественного наркотизма. Научная проблема заключается в недостаточной теоретической и методической проработанности этой проблематики, при том, что актуальность проблемы распространения наркотизма, необходимость определения направлений социального контроля над ним, привлекает широкое общественное внимание.

Эмпирические исследования наркотизма проводятся, как правило, в отдельных регионах — там, где исследовательские коллективы смогли найти финансовую поддержку, и к тому же достаточно редки. Содержание и методика получения первичной информации, способ формирования выборки и другие важнейшие характеристики исследовательского инструментария таких проектов чаще всего сопоставимы лишь условно.

Проблема регулярного получения надежной эмпирической информации о масштабах и социальной локализации наркотизма в российском обществе не только не решена, но вплоть до последнего времени практически и не ставилась. Это влечет за собой смещение акцента в изучении и осмыслении феномена наркотизма с анализа отношений «общество — потребление наркотиков» в сторону трактовки проблематики в рамках отношений «человек — наркотики».

Противостояние распространению наркотизма, определение социальных групп, наиболее уязвимых с точки зрения риска вовлечения в потребление наркотических средств, разработка профилактических и реабилитационных программ неэффективны, если не опираются на социологическую информацию и социологический анализ наркотизма, его социальных факторов и тенденций его развития.

Цель работы:

Выявление характеристик, тенденций развития наркотизма в России, социальных факторов, способствующих его распространению, и сопоставление российской ситуации с ситуацией в других странах.

Задачи:

1. Обзор истории наркотизма как социального феномена, в том числе:
 - описание эволюции отношения к наркотикам и наркопотребителям;
 - описание социального конструирования негативного отношения к наркотикам.

2. Описание различных методов получения эмпирической информации об исследуемом феномене в США, Западной и Восточной Европе, а также в России.

3. Обоснование специфики социологического подхода к изучению наркотизма на основе сопоставления различных дисциплинарных подходов.

4. Анализ эмпирической информации, полученной в результате эмпирического исследования в Санкт-Петербурге (2000 г.), Самаре и Самарской области (2000 и 2003 гг.), в том числе:

- определение распространенности употребления наркотиков в различных социальных группах;
- определение социально-демографических характеристик потребителей наркотиков;
- определение социальных факторов, влияющих на потребление наркотических средств.

5. Обоснование основных направлений социального контроля над наркотизмом.

Объект исследования:

Наркотизм (выражающийся в потреблении некоторой частью населения наркотических или токсических средств и социальных последствиях этого) как социальный феномен.

Предмет исследования:

Тенденции развития, социально-демографические характеристики и социальные факторы потребления наркотических средств в России (на примере Санкт-Петербурга, Самары и Ямало-Ненецкого автономного округа).

Теоретико-методологическая основа:

Теоретическую основу исследования составляют: положения теории аномии о росте уровня девиации при существенных общественных трансформациях (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, К. Эриксон, Л. Козер); положение феноменологических теорий об относительности и конвенциональности ценностей, норм и отклонений от норм — девиаций (П. Бергер, Т. Лукман, Д. Силверман, Д. Уолш); положение конструктивистской теории социальных проблем о социально-сконструированной и политически детерминированной природе социальных проблем (М. Спектор, У. Бернс); положения теорий социального контроля о невозможности отделения преступности и иных девиаций и контроля над ними от структурного и культурного контекста (С. Генри, Д. Милованович, М. Ланье).

Эмпирическая база:

1. Эмпирическое исследование наркотизма, проведенное Центром изучения и прогнозирования социальных процессов с участием автора (руководитель — Л. Кесельман), осуществленное на основе репрезентативной выборки

(2500 чел.) методом анонимных интервью face-to-face (так называемый «уличный опрос»). Санкт-Петербург, 2000 г.

2. Эмпирическое исследование наркотизма среди молодежи Самарской области, проведенное Самарским областным фондом социальных исследований (руководитель — В. Звоновский). 1996 г., 800 чел.

3. Эмпирическое исследование наркотизма среди населения Самары и Самарской области, проведенное Самарским областным фондом социальных исследований (руководитель — В. Звоновский) на основе репрезентативной выборки (2047 чел.) методом анонимных уличных интервью, 1998 г.

4. Анкетные опросы старшеклассников и их родителей, осуществленные исследовательским центром «Горизонт-М» (руководитель — А. Стожаров) в *Надыме и Надымском районе* в 2004 и 2005 гг. *Опрошено 787 старшеклассников и 529 родителей в 2004 г. и 687 школьников в 2005 г.*

5. Эмпирическое исследование наркотизма в Татарстане, осуществленное под руководством д.с.н. Ю. Комлева в 2002 и 2003 гг. Репрезентативная республиканская выборка — 2100 чел., дополнительная выборка молодежи республики Татарстан — 1100 чел., молодежь малых городов — 500 чел.

Научная новизна:

1. Разработана и апробирована оригинальная методика социологического исследования наркотизма.

2. Впервые в российских исследованиях информация о потреблении наркотиков получена на основе выборки, репрезентативной для населения Санкт-Петербурга, Самары и Самарской области, Казани, Набережных Челнов.

3. В результате сопоставления данных различных российских исследований, в том числе собственных исследований диссертанта, а также проведенных по методикам, разработанным с участием диссертанта, выявлены тенденции, характеристики и факторы наркотизма. Полученные результаты рассматриваются в международном контексте.

4. Впервые осуществлена классификация сложившихся в отечественной научной практике различных дисциплинарных подходов к изучению наркотизма и стратегий социального контроля над ним.

Теоретическая значимость:

Теоретическая значимость результатов, полученных диссертантом, определяется вкладом автора в создание социологической концепции наркотизма, позволяющей анализировать соответствующие явления и процессы, а также их последствия не только на микроуровне — в системе «человек — наркотики», но и на макроуровне — в системе «общество (отдельные его сегменты) — употребление наркотиков».

Практическая значимость:

Методики эмпирического исследования, анкеты и шкалы, разработанные с участием диссертанта, были использованы в ходе исследований как в

крупных городах (Санкт-Петербург, Самара, Казань), так и в малых городах (Самарская область, Республика Татарстан). Полученные в диссертационном исследовании результаты могут быть использованы при организации общенационального и региональных мониторингов социальных параметров наркотизма. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе по специальностям: социология, право, педагогика, психология, медицина.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Особенностью социологического подхода к изучению наркотизма является смещение акцента с исследования взаимоотношений «индивид — наркотики» на изучение взаимоотношений «общество — употребление наркотиков». Это определяет выбор объекта и метода эмпирического исследования, способ формирования выборки, интерпретацию полученных результатов.

2. Высокая латентность изучаемого явления (наркотизм), политизация не только публичного, но во многом и профессионального отношения к наркотизму, отсутствие в России регулярной системы получения достоверной информации о наркотизме, его масштабах, динамике и детерминантах приводят к мифологизации этого явления. Наиболее распространенными являются необоснованные представления:

- о возможности изменений уровня потребления наркотиков в настоящее время на 20—30% в течение года, как в сторону снижения, так и повышения этого уровня;
- о лавинообразном распространении практики употребления наркотиков;
- о неизбежности перехода от легких наркотиков (например, марихуаны) к «тяжелым» (например, героину);
- об отсутствии существенных различий в воздействии на человеческий организм «легких» (марихуана, галлюциногены) и «тяжелых» (героин) наркотиков и т.д.

3. Российской спецификой является тяготение к относительно сильным видам наркотических средств («тяжелых» наркотиков) и относительно крупным дозам.

4. К отечественной специфике может быть также отнесено «предпочтение» и злоупотребление такими наркотическими (согласно методике Всемирной организации здравоохранения) средствами как алкоголь и табак — употребление наркотиков распространено значительно меньше, чем употребление алкоголя. При этом опасность потребления наркотиков осознается, а опасность потребления алкоголя недооценивается.

5. В качестве социальных детерминант наркотизма выделены:

- поколенческая принадлежность (рост наркотизма в России за последние годы обусловлен не только возрастом, но и особенностями социализации младших поколений);
- принятие ответственности за свою судьбу на себя и чувство ответственности перед ближайшим окружением: семьей, близкими;

- наличие/отсутствие позитивных жизненных устремлений (образование, профессиональная карьера и т.п.);
- ограничения существующих в обществе возможностей реализации таких устремлений, в частности, неравенство экономических возможностей, неравный доступ к образованию и др.

6. Основной «группой риска» для вовлечения в наркопотребление являются юноши в возрасте между 14-ю и 17-ю годами.

Апробация результатов исследования:

Эффективность и применимость используемой методики эмпирического исследования, разработанной с участием диссертанта, и достоверность полученных с ее помощью результатов подтверждается справкой Самарского областного Фонда социальных исследований.

Результаты исследований докладывались на конференциях и семинарах:

Доклад на междисциплинарном семинаре по проблемам профилактики наркотизма. Репино, 2001 г.

Доклад на 1-ой Международной научно-практической конференции «Профилактика потребления психоактивных веществ». Санкт-Петербург, 2002 г.

Доклады на международных специализированных форумах АНТИНАРКО. Санкт-Петербург, 2002, 2003 и 2005 гг.

Доклад на окружном семинаре-совещании «Актуальные проблемы информационно-аналитического обеспечения органов власти в Ямало-Ненецком АО», 2003 г., г. Новый Уренгой.

Доклад на окружном научно-практическом семинаре по профилактике наркомании, 2004 г., г. Надым.

Доклад на семинаре «Перспективы деятельности по профилактике потребления психо-активных веществ и пропаганде здорового образа жизни в Санкт-Петербурге», 2004 г., Санкт-Петербург.

Доклад на международной конференции ERCES «Social problems, crime and ethics: interdisciplinary perspective», Санкт-Петербург, 2005 г. (на англ. языке)

Доклад на конференции «Девиантность в контексте глобализации», 2005 г., Санкт-Петербург.

Доклад на окружном семинаре Управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по СЗФО, г. Великий Новгород, 2005 г.

Доклад на 4-ом Всероссийском конгрессе в поддержку образования.
Санкт-Петербург, 2005 г.

Структура работы:

Диссертация объемом **138** страниц, состоит из Введения, двух Глав, Заключения, Списка использованной литературы и Приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ:

Во Введении обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, предлагается понятийный аппарат, формулируется научная новизна и демонстрируется практическая значимость работы.

ГЛАВА 1. Социальная история наркотизма и различные дисциплинарные подходы к его изучению.

В первом параграфе главы определяется понятие «наркотик» и проводится различие понятий «наркоман» и «наркопотребитель»; «наркомания» и «наркотизм». Используются определения, предложенные Я.И. Пилинским:

наркотики — средства (вещества), оказывающие воздействие на психику и поведение человека; их потребление способно приводить к формированию физической и/или психической зависимости (наркомании), состоянию, при котором человек испытывает потребность в регулярном приеме наркотиков и дискомфорт при отсутствии такой возможности;

наркотизм — это относительно распространенное, статистически устойчивое социальное явление, выражающееся в потреблении некоторой частью населения наркотических средств или токсических веществ и в соответствующих социальных последствиях;

наркомания — заболевание, выражающееся в физической и/или психической зависимости от наркотических средств, в непреодолимом влечении к ним — аддикции, приводящей к глубокому истощению физических и психических функций организма.

Обосновывается различие «употребления» наркотических веществ и «злоупотребления» ими. Описываются особенности различных дисциплинарных подходов к изучению наркопотребления. При том, что потребление наркотических средств является объектом изучения для каждого рассматриваемого подхода, предметы изучения (то есть, согласно В. Ядову, наиболее значимые с практической или теоретической точки зрения свойства, стороны объекта, подлежащие непосредственному изучению) у них различны. На наркоманию как заболевание направлено основное внимание медиков. Психологические механизмы формирования зависимости (аддикции) изучаются психологами. Некоторые аспекты наркомании, наркопотребления и нелегального оборота наркотиков рассматриваются в рамках криминологии и уголовного права.

Пресечением преступлений, связанных с наркоторговлей и наркопотреблением, занимаются представители правоохранительных органов.

Во втором параграфе история наркотизма рассматривается как история социального феномена. Иначе говоря, рассматривается не столько история различных видов наркотиков, появление все новых веществ и их химических соединений и практик их потребления в мире и отдельных обществах, сколько история отношения общества и государства к наркотикам и наркопотребителям. Это отношение различалось в разные времена и в разных культурах. Таким образом, опираясь на положение феноменологических теорий об относительности и конвенциональности ценностей, норм и отклонений от норм — девиаций и положение конструктивистской теории социальных проблем о социально-сконструированной и политически детерминированной природе социальных проблем, делается вывод о том, что наркотизм как форма девиации, разделение наркотических средств на легальные и нелегальные, а также отношение к наркопотребителям являются социальными конструктами.

В России отношение к наркотическим средствам имеет свою специфику. Согласно методике Всемирной организации здравоохранения, алкоголь и никотин относятся к наркотическим средствам, так как их употребление может приводить к возникновению физиологической и психологической зависимости, а также имеет отрицательные последствия для здоровья. Однако в России, как и в других обществах, тяготеющих к христианской традиции (в отличие от обществ, тяготеющих к исламской традиции), употребление (иногда даже злоупотребление) такими наркотическими средствами как алкоголь и никотин, культурно санкционированы.

Третий параграф посвящен анализу «вульгарной социологизации» в различных дисциплинарных подходах.

Необходимо отметить, что существенную роль в формировании публичных представлений о наркотиках, наркоманах, масштабе этого явления в нашем обществе играют СМИ, где в роли эксперта чаще всего выступают не специалисты, а сами журналисты. В своих материалах они часто оперируют цифрами и фактами без ссылок на источники и метод получения информации. Однако впоследствии в массовой коммуникации приведенные цифры, как правило, многократно воспроизводятся как надежно установленный факт, полученный в специальных исследованиях. В российской практике уже неоднократно случалось, что подобный «факт» становился частью не только обывденного массового сознания, но и, обладая статусом «научно установленного», превращался в основу для выработки и принятия государственных решений самого высокого уровня.

Среди исследователей проблемы наркотиков и наркотизации исторически первыми были медики. Столетиями наркотики использовались в медицине как обезболивающие и седативные средства. Негативные последствия злоупотре-

ния наркотиками стали очевидными и сделались предметом изучения в основном во второй половине XIX в. Однако вплоть до начала XX в. отношение медиков к разным наркотическим средствам было различным. Каждое вновь открытое вещество поначалу воспринималось как обладающее позитивными свойствами предыдущего (поскольку сохранялась потребность в обезболивающих и седативных свойствах) и, одновременно, лишенное негативных свойств своего предшественника (возникновение физической и психологической зависимости, разрушительные последствия для здоровья).

В то же время, уже к концу XIX в. возникли первые *медицинские* исследования различных наркотических средств, сравнение их воздействия на человеческий организм, поиск некоторых закономерностей возникновения зависимости, определение факторов, влияющих на ее формирование. Поскольку уже в первых исследованиях были выявлены не только физиологические и психические, но и социальные факторы употребления наркотических веществ, медицинские исследования приходили к выводам, представляющим интерес для представителей социальных наук. В XX в. большинство медицинских исследований наркотизма заимствовало социологическую терминологию, и в выводах и в интерпретации полученных результатов нерелексивно использовались элементы социологических теорий (Э. Бабаян, С. Белогуров, В. Битенский, М. Гонопольский, А. Данилин, И. Данилина, В. Дунаевский, А. Личко, В. Менделевич, Д. Менделевич, И. Пятницкая, А. Софронов, В. Стяжкин, П. Шабанов, О. Штакельберг).

Криминалогические исследования злоупотребления наркотическими средствами опирались, как правило, на данные правоохранительных органов или на опросы определенных социальных групп: заключенных, проституток, пациентов наркодиспансеров. В отечественной практике на такие исследования серьезное влияние оказывал определенный угол зрения на проблематику (потребление наркотиков как уголовное преступление), что особенно характерно для работ, авторами которых являются представители правоохранительных органов (Т. Боголюбова, А. Гришко, Г. Зазулин, Б. Калачев, А. Майоров, П. Сбирунов, А. Сергеев, А. Трошин, Б. Целинский и др.). Хотя, в силу этой специфики, наибольшее внимание уделялось незаконному обороту наркотических средств и противодействию этому обороту и преступлениям, связанным с наркопотреблением, в работах активно используются такие понятия как «социально-демографические характеристики и тенденции» и «культурологические детерминанты», а в интерпретациях обращаются к теориям субкультур и интеракции.

Психологические механизмы формирования зависимости от наркотических средств, личностные факторы, способствующие формированию такой зависимости, исследовались психологами (А. Баранов, С. Березин, И. Гурвич, Д. Колесов, А. Кудашев, К. Лисецкий, А. Реан, В. Шабалина, Л. Шнейдер и др.). В работах этих авторов акцент делается на рассмотрении наркозависимости как одного из видов зависимости (аддикции), соответственно — формировании особого типа «зависимой личности» (аддиктивной), определенных личностных и семейных установок, способствующих формированию такого типа личности. Представители

этого направления в изучении наркотизма наиболее близки к социологическим интерпретациям, хотя в своем анализе они опираются на изучение индивидов и их взаимодействия в рамках семьи и малых общностей.

Представители *экономического* подхода рассматривают оборот наркотиков как один из видов рынков, подчиняющихся законам, действующим для рынков других товаров. Как правило, анализ рынка наркотиков осуществляется в рамках теории общественного выбора и конституциональной экономики (G. Anderson, H. Brumm, D. Cloninger, M. Friedman, R. Libby, R. Tollison, A. Заостровцев, Л. Тимофеев, Д. Койл).

Представители *социологического* подхода в изучении наркотизма выделяют прежде всего его социальные детерминанты (социальные факторы, приводящие к вовлечению в употребление наркотиков: особенности процесса социализации, ценности и нормы, как способствующие, так и препятствующие вовлечению в наркопотребление и т.д.) и социальные последствия (демографические — рост смертности, особенно среди младших возрастных групп; разрушение социальных связей; появление «созависимых» групп; рост преступности). Особенностью социологического подхода является также рассмотрение вопроса о функциональности наркотиков (анестезирующая, седативная, психостимулирующая и интегративная функции) и наркотизма (по мнению Я. Гилинского, это: разграничение дозволенного/недозволенного и интеграция, консолидация нормопослушных граждан, противопоставляющих себя девиантам), а также изучение роли, выполняемой потреблением наркотиков (форма социального протеста, средство идентификации, престижно-статусная роль).

В социологическом подходе интегрируются подходы медицинский, криминологический и психологический, а наркотизм рассматривается комплексно, как «социальный факт» (в рамках дюркгеймовской традиции).

В четвертом параграфе рассматривается история российского социологического эмпирического изучения наркотизма.

Со времени публикации первого исследования такого рода (А. Табиани, 1977) и «открытия» темы для публичного обсуждения появилось немало работ. Уже в конце 80-х—начале 90-х гг. появились исследования «групп риска» и некоторых групп молодежи (В. Афанасьев, Я. Гилинский, Т. Иванова, Н. Макшанцева, А. Салагаев, Г. Силласте), начиная с середины 90-х гг. такие исследования получили широкое распространение.

В последние годы при опросах учащейся молодежи очень часто их авторы за основу берут методику, разработанную в рамках американского проекта Monitoring the Future Study сотрудниками Мичиганского университета Л. Джонстоном и П.О' Малли. Эта же методика, с небольшими коррективами, использовалась в рамках европейского проекта ESPAD. В российской практике указанная методика подвергалась значительным сокращениям и адаптировалась, способ организации выборки и процедуры анкетирования выбирались каждым исследователем, согласно его видению ситуации. Во многих случаях результаты,

полученные по очень близким, на первый взгляд, методикам, не являются полностью сопоставимыми именно в силу указанных ситуативных корректировок.

Если в западной практике фактически на равных развиваются два направления социологического изучения наркотизма: качественными и социально-статистическими методами, то в России среди проектов и публикаций доминируют связанные либо с качественными методами, либо с опросами в малых группах и группах риска. Такая ситуация связана не столько с методологическими и методическими предпочтениями исследователей, сколько с недостаточным финансированием и, следовательно, серьезными трудностями в осуществлении дорогостоящих проектов.

Едва ли не единственным примером исследований общероссийского масштаба является проект мониторинга наркоситуации в молодежной среде, осуществляемый Центром социологических исследований Министерства образования в 88 субъектах РФ на основе репрезентативной выборки (руководитель проекта — Ф. Шереги).

Интерпретация полученных результатов различными исследователями осуществляется в рамках девиантологических теорий среднего уровня: теории анонимии, теории субкультур, теории конфликта культур, теории стигматизации, теории социального конструирования, положения феминистских концепций о социальном контроле и концепции включенности/исключенности.

В ходе выполненных в России исследований получена информация об особенностях развития наркотизма в разных регионах, распространенности в некоторых молодежных группах (в частности, среди студентов и школьников), о ряде социальных факторов, способствующих вовлечению в наркотизм. Тем не менее, проводимые в разных регионах исследования, как правило, не скоординированы между собой, а регулярный мониторинг наркоситуации вплоть до настоящего времени отсутствует, следовательно, нет возможности получения надежной и достоверной информации о динамике, тенденциях и роли различных факторов в развитии наркотизма в большинстве регионов и в общенациональном масштабе.

Глава 2. Обоснование методики эмпирических исследований наркотизма и анализ их результатов (1997–2005 гг. — Санкт-Петербург, Самара и Самарская область, Ямало-Ненецкий автономный округ).

В первом параграфе рассматриваются методики эмпирического исследования социальной детерминации наркотизма.

В России для оценки общей численности актуальных потребителей и, в частности, численности потребителей наиболее опасных наркотиков в целом по стране и в отдельных ее регионах в различных источниках и официальных документах предлагались и до сих пор предлагаются показатели, существенно различающиеся между собой, что не может не вызывать сомнений в их достоверности. Еще менее достоверны приводящиеся в различных документах показатели дина-

мики численности потребителей различных наркотиков, которые можно определить лишь как весьма противоречивые догадки.

В российской практике, как упоминалось в Главе 1, помимо авторских методик, часто используется методика, разработанная сотрудниками Института социальных исследований (Institute for Social Research) Мичиганского университета для общенационального исследования наркоситуации в молодежной среде.

Существенным для эмпирического исследования наркотизма является то, что само по себе употребление наркотиков сопряжено, как правило, с различными формами административного и уголовного преследования, а также с различными видами негативного социального санкционирования и осуждения. Следовательно, для получения достоверной информации исследователю необходимо преодолеть очень высокую латентность изучаемого явления. При этом социокультурный контекст, в котором приходится работать, существенно отличается от того, на который ориентировались американские исследователи при разработке своей методики. В частности, для российских исследователей существенными являются проблемы обеспечения достоверности сообщаемой информации, гарантии анонимности респондента и конфиденциальности полученных от него сведений.

Во втором параграфе описывается и обосновывается используемая диссертантом методика социологического эмпирического исследования социальной детерминации наркотизма (социально-демографические характеристики потребителей наркотиков, «бывших» потребителей и тех, кто никогда не употреблял наркотики; особенности социализации; ценностные установки и пр.) и выявления уровня причастности респондентов к реальной практике потребления наркотиков. Разработанная для уличных опросов (авторская методика Л. Кесельмана, предполагающая личное анонимное интервью) серия уточняющих вопросов позволила получить однонаправленный континуум шестипунктовой шкалы, аналогичной упорядоченной шкале Л. Гутмана, предназначенной для ранжирования свойств социальных объектов в одном параметре.

В соответствии со сценарием интервью каждый следующий «уточняющий вопрос» задавался лишь тому респонденту, который своим предыдущим ответом сам «спровоцировал» соответствующее уточнение. Согласно методическому замыслу возникала ситуация, способствующая освобождению респондента от психологического состояния «допрашиваемого» (такое освобождение усиливалось к тому же анонимностью контакта). Кроме того, определенный методический прием позволил достаточно надежно разделить всю наблюдаемую совокупность на шесть групп, упорядоченных по степени вовлеченности в потребление наркотических веществ: от никогда не пробовавших использовать наркотические вещества в немедицинских целях до регулярно пользующихся какими-либо тяжелыми наркотиками в настоящее время. Использованная шкала позволила не только выстроить достаточно дробный континуум, но и дала возможность дифференцировать как не потребляющих наркотики (первые три градации), так и актуальных их потре-

бителей (последние три градации). При этом первые три градации для получения данных о природе наркотизма и понимания социальных механизмов его функционирования оказались более информативными, нежели три последующие.

С помощью этой шкалы в репрезентативных для населения Петербурга опросах выявлялась степень приобщенности к потреблению наркотических средств различных социальных групп городского населения. Кроме информации, характеризующей отношение опрашиваемых к наркотикам на поведенческом уровне, значимой частью собранных данных были характеристики ценностно-нормативного отношения к использованию наркотических веществ в немедицинских целях, а также характеристики социального самочувствия опрашиваемых.

Важную роль в реализации исследовательской программы играли и общие социально-статусные характеристики людей, попавших в выборочную совокупность: пол, возраст, образование, профессиональная принадлежность, сфера занятости и т.д. Фиксация этих характеристик позволила не только контролировать параметры выборки, но — главное — получить представление об общности и специфике интересующего нас отношения к наркотикам в различных социальных группах.

Выборка в Санкт-Петербурге составляла 2500 опрошенных и являлась репрезентативной по полу, возрасту, образованию и району проживания. Указанные параметры выборочной совокупности совпадали с соответствующими параметрами генеральной совокупности (параметры генеральной совокупности определялись на основе данных статистики) либо отклонялись от нее не более чем на 2%. Репрезентативность выборки позволила считать, что в ходе описанного опроса были получены надежные данные не только об общем отношении жителей Петербурга к рассматриваемому вопросу, но и о специфике этого отношения в отдельных социальных группах.

Параллельно с этим, Самарский фонд социальных исследований при участии Центра изучения и прогнозирования социальных процессов провел аналогичный опрос, направленный на выявление социальных координат и механизмов распространения наркотизма в Самаре и Самарской области. Была использована та же методика. Методом уличного интервью было опрошено свыше 3000 человек, представляющих взрослое население города и области старше 16 лет. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, образованию и месту проживания. Одновременно и методически независимо от этого, в рамках мониторинга «Молодежь Самарской области и проблемы наркомании», было опрошено 800 представителей молодежи (в возрасте от 14 до 30 лет), проживающей в Самаре, Тольятти и некоторых других городах области. Выборка квотная, репрезентативная по полу, возрасту и месту проживания.

Кроме информации, характеризующей отношение опрашиваемых к наркотикам на поведенческом уровне, значимой частью собранных данных были характеристики ценностно-нормативного отношения к использованию наркотических веществ в немедицинских целях (осознание риска употребления различных

видов наркотиков, осуждение/терпимое отношение к наркопотребителям и др.), а также характеристики социального состояния и самочувствия опрашиваемых: самооценки изменений их материального благополучия и степень оптимизма/пессимизма в представлении о возможных изменениях их материального положения; представление об уровне собственной защищенности от физического насилия (чувство безопасности); степень принятия на себя ответственности за собственное материальное положение, а также за складывающуюся судьбу и образ жизни в целом («интернальности/экстернальность» атрибуции ответственности и локуса контроля).

В третьем параграфе приведены полученные с помощью описанных выше методов результаты эмпирических исследований наркотизма — в Санкт-Петербурге (2000 г.) и Самаре и Самарской области (1997, 2001, 2003 гг.). Эти данные анализируются в контексте данных о наркоситуации в США и Европе в тот же период.

Рассматривается информация о половозрастной структуре наркопотребления, о возрасте первой пробы, а также о регулярности потребления. Анализируется дифференциация между теми, кто ограничился первой пробой, перешел к регулярному потреблению, является потребителем в настоящее время, а также теми, кто прекратил употреблять наркотические средства.

Так, в 2000 г. в Петербурге для значительной части — 6,5% опрошенных (примерно треть из 18,5% сообщивших о наличии у них опыта употребления наркотиков), это были разовые, практически никогда не повторявшиеся эпизоды, и еще 6,0% хотя и употребляли наркотические средства неоднократно, но в достаточно отдаленном (не менее года) прошлом. Только оставшиеся 6,0% жителей Петербурга (при 18,5% имеющих опыт употребления наркотиков) прибегали к ним с той или иной регулярностью и в момент опроса.

Таким образом, в Петербурге *актуальные* потребители наркотических средств в 2000 г. составляли лишь около половины всех их *неслучайных* потребителей и примерно третью часть всех когда-либо пробовавших наркотики в немедицинских целях. Похожее соотношение фиксировалось и среди опрошенных в Самаре, где, при 13% «знакомых» с наркотиками, для 8,0% это не более чем случайный эпизод, для 2,5% — относительно развернутая в прошлом практика, и лишь для 2,5% — актуальная реальность.

Общий уровень приобщенности к наркотикам в различных социальных группах имеет свои отчетливо выраженные особенности. В первую очередь, следует выделить возрастную и стоящую за ней поколенческую специфику. Среди тех, кому на момент опроса было не более 25 лет, опыт употребления каких-либо наркотических средств имел практически каждый второй. Но уже среди 25–30-летних такой опыт обнаруживало менее трети. Численность знакомых с наркотическими средствами в каждой следующей возрастной группе была ниже, чем в предыдущей. А среди людей старше 60 лет количество тех, кому приходилось хоть раз в жизни употреблять в немедицинских целях какие-либо наркотические средства, находилось в пределах полутора процентов от общей численности этой возрастной группы.

Аналогичная картина наблюдалась и в данных самарского исследования, где численность знакомых с наркотическими средствами в каждой последующей возрастной группе была заметно ниже, чем в предыдущей.

В Петербурге среди молодежи в возрасте до 25 лет численность пробовавших те или иные наркотики почти втрое выше средних показателей для всего населения, в Самаре — почти в два с половиной раза. То есть концентрация внимания исследователей наркотизма на молодежи вполне обоснованна.

Вместе с тем, во всех возрастных группах (в том числе и среди самых молодых) у большинства знакомых с наркотиками это знакомство — либо случайный эпизод, либо «увлечение», оставшееся в прошлом. Даже среди наиболее молодых относительно регулярные потребители наркотиков составляли много меньше половины всех, попробовавших их вкус. Еще меньшую долю от числа когда-либо пробовавших наркотики составляли «актуальные потребители» в последующих возрастных группах.

С возрастом отход от активного потребления наркотиков происходит значительно быстрее, нежели общее сужение круга знакомых с ними. Так, например, по сравнению теми, кто моложе 20 лет, круг пробовавших наркотики сужается к 30 годам примерно на треть (с 50% до 30%); а численность их актуальных потребителей — более чем в полтора раза: с 19,8% до 12,4%. Хотя, как свидетельствуют данные, за пределами 25-летнего возраста актуальный интерес к наркотикам заметно ослабевает, свыше трети — 35,5% — всех относительно активных («актуальных») потребителей наркотических веществ в Петербурге составляют люди, перешагнувшие порог своего тридцатилетия.

Эта же закономерность наблюдалась и в самарских данных.

Еще одно уточнение зоны распространения наркотиков — половые различия. Хотя бы однажды употреблявших те или иные наркотические средства среди мужчин почти втрое больше, нежели среди женщин. Однако из 28,5% мужчин, имевших опыт употребления наркотиков, только 10,5% прибегали к ним с той или иной регулярностью в момент опроса. В Петербурге как среди мужчин, так и среди женщин, *актуальные* потребители наркотиков составляли лишь около половины всех их *неслучайных* потребителей и примерно третью часть всех когда-либо употреблявших наркотические средства в немедицинских целях.

На основе полученных данных и их анализа можно сделать несколько заключений о социальных координатах наркотизма в Петербурге и других крупных российских городах. Согласно этим данным, широкое распространение наркотиков началось в Петербурге и других крупных центрах в середине 80-х гг. и на первом этапе привлекло почти исключительно юношей, а затем и подростков, родившихся в начале 60-х годов. Распространение наркотиков среди женщин возникло лишь ближе к началу 90-х годов, о чем свидетельствует почти полная непричастность к наркотическому опыту женщин, родившихся до начала 70-х годов.

Если поначалу обладателями опыта употребления наркотических средств было не более четверти, максимум трети мужской части молодого поколения, то

к 2000 г. таким опытом обладало почти три четверти юношей, родившихся после 1980 г., и свыше трети их сверстниц.

Отвечая на вопрос о возрасте первой пробы какого-либо наркотика в медицинских целях, в Петербурге 7,5% когда-либо употреблявших наркотические средства сообщили, что впервые это произошло у них в 14 лет (у немногих — даже ранее). Еще 10,5% познакомились с наркотиками в 15 лет. Но наиболее массовое начало потребления наркотических средств пришлось на 16 лет. К шестнадцати годам с наркотиками были уже знакомы не менее 40% всех имеющих опыт хотя бы разового употребления наркотических средств.

Однако существует явная поколенческая дифференциация. Среди родившихся до начала 60-х годов к своим 16 годам успевали познакомиться с наркотиками лишь около 15% всех приобщенных к ним. Среди родившихся в период между 1965 и 1970 годами в этом возрасте успели познакомиться с наркотиками уже около четверти всех знакомых с наркотиками представителей этого поколения. Среди родившихся в период между 1970 и 1980 годами к этому возрасту знакомятся с наркотиками уже около половины всех приобщенных к наркотикам представителей этого поколения. В поколении же родившихся в последние 20 лет к своим 16 годам успевают познакомиться с наркотиками почти две трети всех приобщенных к ним. В каждом новом поколении наблюдается не только все более широкий круг приобщенных к опыту употребления наркотических средств, но и среди самих употреблявших количество тех, кто начал это делать до 16 лет, постоянно расширяется.

Из анализа данных следует, что чем в более позднем возрасте происходит первая проба наркотиков, тем меньше вероятность возникновения сколько-нибудь устойчивой привычки к ним, и тем более вероятно, что эта проба окажется случайным эпизодом. И наоборот: чем в более раннем возрасте происходит первая проба, тем больше вероятность возникновения общего привыкания к наркотикам, и особенно к наиболее тяжелым их видам.

В четвертом параграфе анализируются ценностные установки каждой из перечисленных групп. Эти установки сравниваются с установками тех, кто никогда не пробовал наркотические вещества. Рассматривается отношение к наркопотребителям и возможному ужесточению их уголовной ответственности.

Одной из ключевых проблем профилактики наркоизма остается вопрос об ответственности человека за свое благополучие и собственную судьбу в целом. По мнению В.В. Шабалиной, основными ресурсами, препятствующими обращению к наркотикам, являются чувство ответственности за свою судьбу и позитивные ценности: образование, хорошая работа. Наличие таких ценностей (целей) и формирование соответствующих моделей поведения предполагают отказ от наркотиков, которые очевидно препятствуют реализации таких целей.

На первый взгляд, данные эмпирического исследования противоречат такой точке зрения. Среди тех, кто отсылает к внешним обстоятельствам основную ответственность за собственное благополучие, общий уровень приобщенности к

опыту потребления наркотических средств в полтора раза ниже, чем в среднем, значительно ниже у них и уровень актуального наркотизма. Среди принимающих ответственность на себя показатель общего наркотизма значимо больше, чем в любой другой группе, и вдвое больше, чем у ярко выраженных экстерналов. Примерно так же соотносятся и их показатели актуального наркотизма.

Однако необходимо учитывать, что наркотики - сравнительно новое явление в жизни нашего общества, они присутствуют по преимуществу в жизни младших поколений, завершавших свою социализацию после середины 80-х годов, и эти поколения отличает относительно высокий уровень общего и особенно актуального наркотизма. В результате, эмпирические данные, полученные на общей выборке, репрезентирующей все население города, показывают, что высокому уровню интернальности соответствует относительно высокий уровень общего и актуального наркотизма. И наоборот — повышение уровня экстернальности ведет к понижению уровня наркотизма. Однако в данном случае наблюдается возрастной эффект: молодежь по своей интернальности значительно превосходит тех, чья социализация происходила до начала перестройки, а среди тех, кто хотя бы раз в жизни пробовал нелегальные наркотические средства, молодые люди в возрасте до 30 лет составляют две трети.

Несмотря на то, что в целом уровень интернальности молодежи значительно выше, чем у других возрастных групп, те молодые люди, которые на момент опроса употребляли наркотические средства, более тяжелые, чем производные от конопли, по своей способности принимать на себя ответственность за собственное благополучие заметно уступают не только своим сверстникам, но и большинству представителей предыдущих поколений.

Наименьшую терпимость по отношению к потребителям наркотиков (ответ на вопрос: «Нужна ли уголовная ответственность за потребление наркотиков?») обнаруживают респонденты, не имеющие собственного опыта их употребления и руководствующиеся в определении своего отношения доминирующими в обществе представлениями и моделями. Заметно меньший ригоризм проявили сами актуальные потребители наркотиков. Минимальный уровень ригоризма демонстрируют те, кто в настоящее время наркотики не употребляет, но имеет прошлый опыт использования наркотических средств. Такое сочетание собственного опыта (а значит и информации, почерпнутой не только из стереотипов общественного сознания) и личной отстраненности от актуальных наркотических сюжетов способствует наиболее высокому уровню терпимости по отношению к тем, кто пока не сумел преодолеть свое увлечение или зависимость.

На основе этого исследования делаются выводы, имеющие не только аналитическую, но и практическую значимость, в том числе для выработки рекомендаций для программ профилактики наркопотребления:

1. Наиболее критическим, представляющим особый риск вовлечения человека в периодическое или регулярное потребление наркотиков, является период перехода от подросткового возраста к юношескому. Почти четыре пятых всех актуальных потребителей наркотиков впервые встретились с ними в возрасте до

17 лет включительно. Лишь один из восьми сохраняющих наркотики в своем образе жизни познакомился с ними после того, как ему исполнилось 18 лет. При этом три четверти всех актуальных потребителей наркотических средств составляют мужчины.

2. С учетом этого, проблема защиты всего российского общества от угрозы наркотизма и наркомании может быть решена даже в условиях крайне ограниченных социальных ресурсов. Сделать это можно путем концентрации имеющихся средств на относительно узком социальном пространстве: юноши в возрасте между 14 и 17 годами.

3. Известно, что юноши старшего возраста являются ориентирами «престижного поведения» для мальчиков из младших классов, стремящихся подражать старшим (А. Асмолов, М. Кле, В. Ковалев, И. Кон, А. Реан, В. Шабалина). Таким образом, изменением ориентиров «престижного поведения» (в сторону отказа от потребления наркотиков) решается задача защиты не только старшеклассников, но и следующих за ними возрастных когорт. Одновременно с этим юноши, отвергнувшие наркотики, перестают провоцировать к знакомству с ними и своих сверстниц, чье знакомство и особенно вовлечение в относительно постоянное употребление наркотических средств почти никогда не обходится без той или иной степени «мужского участия» (И. Андреева, С. Бслогуров, С. Вершина, Я. Пилинский, И. Гурвич, Б. Левин, М. Левин, М. Позднякова, М. Русакова и др.).

Отвлечение от знакомства с наркотиками относительно немногочисленной в каждый данный момент группы юношей, обучающихся в старших классах, и их сверстников, находящихся вне стен средней школы, помогло бы защитить от активного наркотизма основную часть подрастающего поколения.

Очевидно, что выработка практических рекомендаций должна учитывать наличие/отсутствие социальных групп, объективно и субъективно заинтересованных в решении проблемы. Как показывают специальные исследования, в профилактике наркотизма зачастую отсутствует связь между субъектами социальной политики различного уровня (Е. Омельченко, Г. Саганенко, Р. Хлопушин, В. Чупров и др.).

В пятом параграфе описываются результаты российских эмпирических исследований 2001–2006 гг.: общероссийский мониторинг, проведенный Центром социологических исследований Министерства образования в 88 субъектах РФ на основе репрезентативной выборки (руководитель проекта – Ф. Шереги), 2002 г.; анкетные опросы старшеклассников и их родителей, осуществленные исследовательским центром «Горизонт-М» (руководитель – А. Стожаров) в Надыме и Надымском районе в 2004 и 2005 гг.; эмпирическое исследование наркотизма в Татарстане, осуществленное под руководством д.с.н. Ю. Комлева в 2002 и 2003 гг. Эти данные анализируются в сравнении с результатами мониторинга молодежного наркотизма в США (Monitoring the Future Study), осуществляемого с 1975 г., мониторинга молодежного наркотизма в странах Европы в рамках проекта ESPAD (с 1995 г.) и мониторинга наркотизма в странах Евросоюза, проводимого

Европейским центром мониторинга наркотизма (European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction, EMCDDA) в 2002 и 2004 гг.

Кроме того, анализируются данные регулярных опросов, осуществляемых общероссийскими центрами изучения общественного мнения: Фондом «Общественное мнение», Левада-Центром и ВЦИОМом об отношении населения России к наркотикам и наркопотребителям.

Общий уровень наркопотребления молодежи в России пока ближе к средне-европейскому уровню (около 20–25%). Однако этот уровень в таких регионах, как Санкт-Петербург, Москва, некоторые города Севера и Сибири (как правило, в регионах, богатых сырьевыми ресурсами, где уровень материального благосостояния населения достаточно высок), Екатеринбург, некоторые города республики Татарстан (Набережные Челны) значительно превосходит общероссийский и сопоставим с американскими показателями (40–50%).

Поскольку американское исследование репрезентативно для всех учеников частных и публичных школ, проводится ежегодно с 1975 г., и выборка насчитывает десятки тысяч опрошенных (что позволяет проследить динамику потребления отдельных видов наркотиков, а также считать значимыми, например, изменения в количестве потребителей наркотиков в 0,1%), на этих данных можно выявить ряд закономерностей. Часть из них, очевидно, воспроизводится и в России, о других судить затруднительно в силу отсутствия аналогичной регулярной достоверной информации о ситуации в России в целом.

В частности, близки соотношения пробовавших хотя бы раз в жизни и регулярных потребителей наркотических средств, потребителей марихуаны и потребителей всех прочих наркотических средств.

Данные «Мониторинга будущего», осуществляемого американскими исследователями, косвенно свидетельствуют и о невозможности стремительных изменений наркотизации. Фиксируемый ими уровень приобщенности выпускников школ к «нелегальным наркотикам» первоначально обнаруживал постепенный (не более 2–3% в год) рост численности имеющих опыт, как минимум, разового употребления какого-либо наркотика (помимо алкоголя и табака) в течение 6 лет, с 1975 по 1981 гг. После этого, как свидетельствуют результаты ежегодных замеров, начался почти десятилетний период устойчивого снижения уровня наркотизации американских школьников. Затем периоды медленного роста сменялись периодами медленного же снижения уровня знакомства с наркотиками. Однако различия между ежегодными замерами были крайне незначительными.

Аналогичная картина наблюдается в Европе, хотя замеры там проводятся значительно реже, чем в США. Однако резких изменений не наблюдается и в европейских странах. В интерпретации полученных результатов участники проектов оценивают каждое, даже крайне незначительное, снижение уровня приобщенности к наркотикам как серьезный успех антинаркотической политики.

Вышесказанное позволяет прийти к заключению о том, что высказываемая представителями органов законодательной и исполнительной власти точка зрения о возможности в настоящее время изменения в течение одного года количества потре-

бителей наркотических средств (либо в сторону снижения, либо в сторону повышения) в 20–30%, является заблуждением, не основанным на научных данных.

Существенным отличием российской ситуации как от американской, так и от средневропейской является сравнительно более высокий уровень потребления «тяжелых» наркотиков (таких как героин), а также более быстрый переход к регулярному потреблению, а затем к возникновению физической зависимости (что связано, в том числе, и с крупными дозировками). Также можно предположить, что, в силу культурной санкционированности, для молодежи в России более характерно злоупотребление алкоголем, который, как правило, не воспринимается как наркотическое средство. В то же время способы потребления (злоупотребления) алкоголем и наркотиками среди российской молодежи достаточно близки (крупные дозы и более «тяжелые» средства).

Проведенный анализ позволяет прийти к выводам, изложенным в **Заключении**:

1. В рамках различных дисциплин (медицина, криминология, юриспруденция, психология, экономика) изучаются такие стороны наркотизма как: физиологические и психологические механизмы возникновения зависимости, методы профилактики и реабилитации, механизмы вовлечения в наркопотребление, распространение наркотических средств на нелегальных рынках и т.д., — однако именно социологический подход позволяет рассматривать наркотизм комплексно, как «социальный факт» (т.е. как реальность, независимую от индивида и обладающую по отношению к нему принудительной силой) в дюркгеймовской традиции. В рамках этого подхода происходит интеграция подходов медицинского, криминологического и психологического.

2. Спецификой социологического анализа является изучение наркотизма в рамках взаимоотношений «общество – потребление наркотиков»; рассмотрение вопроса о функциональности наркотиков и наркопотребления; изучение социальной роли наркопотребления; выявление социальных детерминант наркотизма; его социальных последствий; а также изучение отношения общества к наркопотребителям и реакции общества на потребление наркотиков (социальный контроль).

3. Отечественные социологические исследования наркотизма имеют следующие особенности:

- Не являются скоординированными ни по методике, ни по процедуре организации выборки, ни по времени проведения;
- Проводятся в отдельных регионах, но, как правило, не в стране в целом;
- Проводятся в основном в «группах риска» — прежде всего, молодежных, при этом, как правило, неизвестно, как выявляемые характеристики и закономерности соотносятся с теми, которые свойственны для других социально-демографических групп.

4. Объективная социологическая информация о масштабах наркопотребления в России, о его социально-структурных особенностях и динамике, о месте

России в глобальном контексте в отношении наркопотребления, о факторах, способствующих вовлечению в наркопотребление и выходу из него, значительно отличается от информации по этой проблематике, которую можно получить от представителей других дисциплинарных подходов. Например, масштабы наркопотребления, выявляемые в социологических исследованиях, существенно меньше, чем в исследованиях, проводимых медиками и представителями правоохранительных органов. Согласно социологическим исследованиям, уровень наркопотребления, а также количество преступлений, связанных с наркотиками, среди постоянных жителей тех стран, в которых проводится политика легализации потребления «легких» наркотиков типа марихуаны, не повышается. Представителями правоохранительных органов, а также органов исполнительной и законодательной власти высказывается противоположная точка зрения, опирающаяся на исследования, проводимые соответствующими ведомствами.

5. В нашей стране, в отличие от США и стран Западной Европы, наркотики являются относительно новым элементом в жизненном опыте населения. Если в США наркотики уже тридцать лет назад были распространены среди подростков примерно так же, как и сейчас, то в России среди поколений, социализировавшихся в период перестройки и позже, количество тех, кому приходилось пробовать какие-либо наркотические средства, примерно в десять раз больше, чем среди социализировавшихся в 50-е годы и раньше. Из этого, в частности, следует вероятность в будущем дальнейшего роста уровня общей приобщенности к наркотикам российского населения.

6. Степень приобщенности молодежи к наркотикам в современных условиях определяется не столько их предложением (доступностью или недоступностью), сколько спросом, обусловленным соответствующими установками: отношением к наркопотребителям и наркопотреблению, ориентацией на позитивные цели (получение образования, профессиональная карьера и др.), принятием ответственности за свою судьбу на себя.

7. Общее расширение численности знакомых с наркотиками не тождественно росту актуального наркотизма населения, означающего увеличение численности относительно регулярно потребляющих наркотики, а не численности ограничивающихся несколькими случайными пробами.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях автора:

1. Социальное пространство наркотизма. — СПб.: Медицинская пресса, 2001 (в соавторстве). 10,5 п.л.

2. Слепое противостояние наркотикам неэффективно // Журнал социологии и социальной антропологии, 2002, Том V, №4, С. 100-111 (в соавторстве). 1,0 п.л.

3. Потребление наркотиков и алкоголя учениками старших классов (на примере г. Надыма, Ямало-Ненецкий АО) // Наркология, 2006, №9. 0,9 п.л.

4. Наркотики и алкоголь в жизни старшеклассников Надыма. В сб.: Наркомания и регион. Вып. 3. — Москва-Салехард: Изд-во «Чароид», 2006. 1,8 п.л.

5. Проблемы исследований в области наркотизма. В сб.: Наркотики и общество. — СПб., 2006. 2,5 п.л.
6. Профилактика и мониторинг наркотизма как социальная проблема. — В сб.: Наркомания и регион. Вып. 2. — Москва-Салехард: Изд-во «Чароид», 2005. С. 8-58. 2,0 п.л.
7. Профилактика наркотизма как социальная проблема // Телескоп, 2004, №3. С. 13-16. 0,6 п.л.
8. Профилактика наркотизма как социальная проблема. — В сб.: Система профилактики наркотизма. — Надым: Управление общим и профессиональным образованием, Научно-исследовательский центр «Горизонт-М», 2004. С. 6-32. 2,0 п.л.
9. Организация мониторинга и профилактика наркотизма. — В сб.: Единое социокультурное пространство — условие профилактики негативных проявлений в детско-подростковой и молодежной среде. — Надым: УО и ПО, 2004. С. 11-14. 0,4 п.л.
10. Исследования наркотизма и проблемы профилактики. — В сб.: Доклады и тезисы участников 3-го Международного Специализированного Форума «АНТИНАРКО-2004». — СПб., 2004. С. 103-119. 1,1 п.л.
11. Противостояние наркотизму начинается с информации о его социальных координатах. — В кн.: Ремиссионеры. — СПб., 2002. С. 5-14. (в соавторстве). 0,9 п.л.
12. Противостояние наркотизму надо начинать с получения информации о его социальных координатах. — В сб.: 1-я Международная научно-практическая конференция «Профилактика потребления психоактивных веществ». Тезисы докладов. — СПб., 2002. С. 48-52. (в соавторстве). 0,6 п.л.
13. Социальное пространство наркотизма // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2000, №6. С. 35-40. (в соавторстве). 0,7 п.л.

Сдано в набор 22.08.06. Подписано в печать 24.08.06.
Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 1,75. Тираж 100 экз. Заказ №285

Издательство «Норма», 192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, 37.
Отпечатано в типографии ЦСИ.
190005, Санкт-Петербург, ул. Циолковского, д. 11.

